

студиям, маркетингу и распространению, тот и определяет вкусы публики и эстетические закономерности.

Даже если споры вокруг гибридных культур в состоянии освободить понятия «идентичность» и «культура» от биологических привязок, идею свободного субъекта, не привязанного к какому-либо месту, или идею добровольно избранной транзитной формы существования необходимо принимать с осторожностью. Гибридность не является новой конечной станцией в быстро развивающемся рынке социологической моды на новые концепты, поскольку культурный зародыш глобальной гибридации ведет свое происхождение от своего рода колониального товара, он есть культурный продукт европейского присутствия в колонизированных странах [6]. Также необходимо учитывать те силы, которые приводят в движение антигибридные, эссенциалистские дискурсы, в которых формируются принципы культурной закрытости, привязки к этническому происхождению, расизм и ксенофобия.

Список источников

1. Бахтин М. Речевые жанры и другие поздние сочинения / М. Бахтин. — М., 1986. — С. 250—296.
2. Bauman Z. Vom Pilger zum Touristen // Das Argument. — 1994. — V. 205. — S. 389—408.
3. Bhabha H. Culture's in-between // Questions of Cultural Identity / Ed. by S. Hall, P. du Gay. — London : SAGE, 2008. — P. 53—60.
4. Clifford J. Kulturen auf der Reise // Widerspenstige Kulturen. Cultural Studies als Herausforderung / Hrsg. K.H. Hörning, R. Winter. — Frankfurt am Main, 1999. — S. 476—513.
5. Friedman J. Global Crisis, the Struggle for Cultural Identity and Intellectual Porkbarreling: Cosmopolitans versus Locals, Ethnic and Nationals in an Era of De-hegemonisation // Debating Cultural Hybridity : Multi-Cultural Identities and Politics of Anti-Racism / ed. by P. Werbner, T. Modood. — London, 1997. — P. 70—89.
6. Hannerz U. "Kultur" in einer vernetzten Welt : Zur Revision eines ethnologischen Begriffs // Kulturen — Identitäten — Diskurse : Perspektiven Europäischer Ethnologie / Hrsg. W. Kaschuba. — Berlin : Akademie Verlag, 1995. — S. 64—84.
7. Kien Nghi Ha. Ethnizität, Differenz und Hybridität in der Migration : Eine postkoloniale Perspektive // PROKLA 120. — 2000. — Vol. 30. — № 3. — S. 377—398.
8. Löfgren O. Leben im Transit? Identitäten und Territorialitäten in historischer Perspektive // Historische Anthropologie. — 1995. — B. 3. — № 3. — S. 249—263.
9. Nederveen Pieterse J. Globale/lokale Melange : Globalisierung und Kultur — Drei Paradigmen // Gegen-Rassismen : Konstruktionen — Interaktionen — Interventionen / Hrsg. B. Kossek. — Hamburg ; Berlin, 1999. — S. 167—185.
10. Rademacher C. Ein „Liebeslied für Bastarde“? // Spiel ohne Grenzen? Ambivalenzen der Globalisierung / Hrsg. C. Rademacher, M. Schroer, P. Wiechens. — Opladen : Westdeutscher Verlag, 1999. — S. 255—269.
11. Reckwitz A. Die Transformation der Kulturtheorien : Zur Entwicklung eines Theorieprogramms / A. Reckwitz. — Weilerswist : Velbrück Wissenschaft, 2006. — S. 705—728.
12. Römhild R. Europäisierung als Transnationalisierung // Anthropologisches. — 2000. — № 8. — S. 15—27.
13. Schöning-Kalender C. Textile Grenzziehungen. Symbolische Diskurse zum Kopftuch als Symbol // Zwischen den Kulturen — zwischen den Geschlechtern. Kulturkontakte und Genderkonstrukte / Hrsg. J. Schlehe. — Münster ; New York ; München ; Berlin : Waxmann, 2000. — S. 187—199.
14. Terkessidis M. Globale Kultur in Deutschland oder : Wie unterdrückte Frauen und Kriminelle die Hybridität retten // Kultur — Medien — Macht : Cultural Studies und Medienanalyse / Hrsg. A. Hepp, R. Winter. — Opladen ; Wiesbaden, 1999. — S. 23—38.

УДК 111.62
ББК 87.152.22

СЕВОСТЬЯНОВ Д.А.

ИНВЕРСИВНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ И «ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» В ФИЛОСОФИИ

В статье анализируется сущность так называемого «лингвистического поворота» в философии. «Лингвистический поворот» рассматривается в контексте оригинальной модели эволюционного развития. Данная модель развития основана на концепции инверсивных отношений (внутрисистемных противоречий), их развития и разрешения. В ходе поступательного развития человечества происходит ряд революционных скачков (ароморфозов), один из которых наблюдается в настоящее время. В этих скачках ликвидируются накопленные системные противоречия (инверсии), но создаются предпосылки для новых противоречий. Показано, что современный этап развития человечества отображен и предвосхищен в «лингвистическом повороте».

Ключевые слова: иерархическая система, инверсия, эволюционное развитие, ароморфоз, «лингвистический поворот», экстраэволюционная эволюция.

В философии второй половины XX в. произошло весьма значительное по своему масштабу событие, которое принято обозначать как «лингвистический поворот» (Linguistic turn). Мы и теперь, пять десятилетий спустя, не можем сказать, что данное философское новшество полностью себя исчерпало и стало лишь достоянием истории. Для того чтобы оценить подлинную роль «лингвистического поворота», необходимо осознать, почему он возник именно в этой, а не в какой-либо иной исторической ситуации. Для этого следует выяснить особенности, которые отличают нынешний период поступательного развития человечества от предыдущих эпох.

При этом нельзя забывать, что сама модель развития человека и человечества не есть нечто твердо и неизменно установленное; модели развития сменяют друг друга, обновляются, становятся более адекватными действительному положению дел. Забегая вперед, можно отметить, что предпринятый здесь анализ «лингвистического поворота» служит, главным образом, иллюстрацией к одной из таких моделей эволюционного развития.

Термин «лингвистический поворот» впервые был введен американским философом австрийского происхождения Густавом Бергманом, но широкую известность приобрел после первого выхода в 1967 г. известной антологии Ричарда Рорти, получившей именно такое название [22; 24]. В действительности же данное явление зародилось несколько раньше: основополагающий труд Клода Леви-Строса «Структурная антропология» (1958), позднее опубликованный и в нашей стране [9], уже в значительной мере вписывается в данную тенденцию. Отображено это явление и в более поздних произведениях. «Голубая книга» и «Коричневая книга» Людвиг Витгенштейна [4] целиком посвящены тематике «лингвистического поворота» и по существу не содержат ничего иного [3]. Результаты «лингвистического поворота» явственно прослеживаются и в концепции аутопоэза У. Матураны и Ф. Варелы [13], и в трудах многих других авторов.

В чем же суть «лингвистического поворота»?

«Лингвистический поворот» означал общий отход от определенных важных понятий, сформулированных в XVII в. в философии (таких, как *разум, идеи и опыт*) в пользу другого набора объектов, характерных для сферы деятельности философии XX в., таких, как *слова, высказывания и смыслы*. Тем самым «лингвистический поворот» позволил отойти от традиционной философии, не скатываясь при этом в релятивизм [20]. В момент своего возникновения «лингвистический поворот» казался единственным способом, который позволял бы избежать тупиковых ситуаций при столкновении разных конкурирующих философских школ [см. напр.: 23]. Как отмечает пражский логик Ярослав Перегрин, философы пришли к признанию того, что все, что имеет какой-либо смысл, познается через язык, и изучение того, что существует, является изучением того, что означают наши слова [21]. Тем самым, главным объектом внимания философии (в первую очередь, аналитической философии, а также и философской антропологии) становится именно язык и все,

что непосредственно связано с его функционированием. В результате прежние онтологические, содержательные проблемы переводятся в языковую плоскость [11, с. 188].

Обратимся же к той исторической и антропологической ситуации, в которой произошел «лингвистический поворот». Для этого придется совершить основательный экскурс как в теорию систем, так и в философскую антропологию, и даже в физиологию активности.

Для начала вспомним, что любая ныне действующая модель поступательного эволюционного развития человечества включает в себя описание определенных качественных приобретений, которые выводят биологическое, социальное и цивилизационное бытие человека на некоторый новый уровень развития. Вопреки старому утверждению, что «природа не делает скачков» (*natura non facit saltus*), такие скачки, или ароморфозы, все-таки происходят. Новейшие эволюционные приобретения не упраздняют накопленных прежде изменений, а используют их как базу, как почву для дальнейшего роста.

В связи с этим возникает вопрос, как именно происходят эти ароморфозы. Поскольку система «человек» есть, вне всякого сомнения, система иерархическая, то ключ к пониманию развития данной системы следует искать в общих свойствах иерархических систем. Так, в используемой здесь модели развития за основу взята концепция инверсивных отношений, которые так или иначе присущи всем активно развивающимся иерархическим системам.

Что такое инверсия, в применяемой здесь трактовке? Это форма отношений в иерархической системе, при которой некоторый элемент в иерархии, формально занимающий в ней подчиненное положение, фактически становится главенствующим. Возникает противоречие между *местом*, которое занимает этот элемент в иерархии, и его *ролью* в ней. Противоположностью инверсии, то есть состоянием, при котором в системе отсутствуют подобные противоречия, являются отношения *ордера*, или изначально упорядоченные иерархические отношения.

Когда упомянутые противоречия достигают максимума в данной системе, эту систему ждет либо крах, либо коренная трансформация. В последнем случае элемент системы, ранее пребывавший в подчиненном (субмиссивном) положении, но способный претендовать на большее, совершает акт внутрисистемной мобильности и перемещается со своего прежнего места на вершину данной иерархии. При этом инверсивные отношения разрешаются, а отношения *ордера* восстанавливаются, но на качественно новом уровне. Ранее возглавлявший систему элемент сам попадает теперь в подчиненное положение, а переместившийся элемент обретает наивысшую (супрематическую) позицию. Он и будет ее занимать до тех пор, пока один из вновь сформировавшихся подчиненных ему элементов, в свою очередь, не перерастет занимаемую им субмиссивной роли. При этом необходимо понимать, что субмиссивные элементы в иерархии возникают, «отпочковываясь» не от нижележащего, а от вышележащего элемента, на правах приобретшего самостоятельность

служебного подразделения. Таким образом, развитие в рамках данной модели осуществляется «через ступеньку».

Противоположная, ныне широко распространенная, модель эволюционного развития никаких скачков «через ступеньку» не предусматривает. Напротив, в ее описаниях подчеркивается, что новый наивысший элемент в иерархии формируется прямо там, где ему впоследствии предстоит находиться и функционировать, т. е. непосредственно на иерархической вершине, на правах эпигенетической надстройки [17]. Но в сравнении с приведенной выше моделью такой подход не выглядит состоятельным. Действительно, в своем развитии супрематический элемент иерархии должен пройти некоторый эмбриональный этап. В течение этого этапа он физически не может возглавлять иерархию, хотя бы просто в силу своей функциональной незрелости. Но он вполне может пережить этот подготовительный период, пребывая в субмиссивном положении по отношению к высшему элементу иерархии, как бы временно оставаясь в его тени. И лишь достигнув зрелости, он совершит решительный скачок на иерархическую вершину.

Каково же содержательное наполнение упомянутых выше иерархических уровней в системе «человек»? В качестве одного из вариантов такого содержания может рассматриваться иерархическая система человеческой активности, предложенная в свое время выдающимся отечественным физиологом и биомехаником Н.А. Бернштейном [3].

Согласно данной концепции, активность человека состоит из пяти основных уровней. Низший уровень **A** обеспечивает изменения тонуса тела, безотносительно к наличию конечностей. Уровень **B** осуществляет синхронные и согласованные сокращения мышечных групп в условиях применения конечностей-двигателей. Уровень **C** (уровень пространственного поля) обеспечивает все виды перемещений в пространстве. Уровень **D** способен осуществлять предметные действия с применением орудий труда, а также (отметим это особо) обеспечивает отнесение предметов и явлений к определенным топологическим классам. Наконец, уровень **E** отвечает за символические операции (под символом понимается объект или образ его, наделенный некоторым особым значением).

Эти уровни образуют иерархию. Они не только различаются по количеству и качеству производимых ими моторных актов, но и отображают эволюцию активности. Так, уровень **A** был высшим (и единственным) уровнем у первичных хордовых, пока еще не имевших конечностей. Уровень **C** является высшим у всех ныне живущих птиц и млекопитающих (кроме человека). Наконец, высшим достижением человека до настоящего времени оставался уровень **E**.

Примечательно, что, по всей видимости, никогда не существовало живого существа, у которого высшим являлся бы уровень **B** или уровень **D**. Попытки представить дело так, что уровень **D**, ответственный за предметные действия, являлся высшим у первобытного человека (еще при отсутствии уровня **E**), явно несостоятельны и содержат в себе концептуальную ошибку. Сам факт изготовления

орудий труда, составляющий одну из главнейших отличительных черт человека, уже предполагает наличие символических операций. Сюда же относится языкотворчество, хотя простое (инструментальное) употребление языка как средства общения может быть отнесено уже к уровню **D**.

Дело в том, что и уровень **B**, и уровень **D** с самого своего возникновения оставались субмиссивными, обеспечивающими. Но если уровень **B** так и остался в субмиссивном положении, то уровень **D**, как будет показано далее, ждала иная судьба.

Иерархическая система, имеющая уже определенную историю развития, неизбежно содержит в себе не только ныне действующие субмиссивные уровни, но и уровни, ранее пребывавшие в субмиссивном статусе, а впоследствии, в результате разрешения накопившихся в системе противоречий, занявшие место супрематических. Таков, в частности, символический уровень **E**. Уместно предположить, что ранее он был субмиссивным уровнем, подчиненным уровню пространственного поля **C**. Иными словами, зачаток символического уровня существовал задолго до того, как уровень **E** обособился в своем нынешнем состоянии и, образно выражаясь, вывел человека в люди. Такой зачаток и теперь присущ всем живым существам, которые обладают достаточно развитым уровнем пространственного поля.

Таким образом, уровень **C** у человеческих предков имел некогда два подчиненных (субмиссивных) уровня, но с разными функциями: уровень **B** обеспечивал техническую сторону движения (синергические сокращения мышц при локомоторных актах), в то время как будущий уровень **E** (обозначим его как C_0) позволял решать двигательные задачи в конкретном, анизотропном пространстве *за пределами непосредственной перцепции*.

Моторное пространство уровня **C** обладает рядом свойств. В частности, Н.А. Бернштейн упоминает о *гомогенности* этого пространства. Если рассматривать уровень **C** (в той относительно редуцированной форме, которую он приобрел у человека, передав высшим уровням значительную часть своих функций), то формально так и окажется: пространство, охватываемое уровнем **C**, гомогенно. С действительным же пространством, окружающим нас, дело обстоит иначе. Пространство, в котором реализуется активность человека или животного, анизотропно (и не гомогенно) просто в силу того обстоятельства, что оно заполнено разнообразными реальными объектами. Поэтому некоторые участки локомоторного пространства не только обладают большей или меньшей проходимостью или притягательностью — они обладают некоторым особым *значением*. Пространственные отношения обладают свойством обрывать дополнительные смыслы, символизировать нечто, приобретать характер *означающего*.

В пределах непосредственного восприятия (скажем, на расстоянии прямой видимости) неравная значимость пространственных локусов с самого начала служила причиной для всех локомоторных действий, начиная от примитивных таксисов и тропизмов. Особая значимость воспринимаемого объекта не отделялась от целостно-

го перцептивного образа. Однако за пределами прямой перцепции построение плана действий требует от организма действий по памяти, по представлению, а также построения релевантных гипотез. Значимость того или иного локуса локомоторного пространства в этой ситуации становится практически отвлеченной величиной. Переход от непосредственной к опосредованной перцепции составляет такой же качественный шаг в развитии, каким был ранее переход от способности шевелиться — к способности целенаправленно перемещаться. Этот переход можно видеть среди ныне живущих хордовых: высшие из них, в отличие от низших, способностью к опосредованной перцепции вполне обладают.

Оценка этой особой и неравной значимости пространственных локусов составляет служебную функцию по отношению к локомоторной активности; но эта функция наиболее сложна и требует самого совершенного нейронного обеспечения (поскольку формирование образа *без предъяснения* самого объекта — гораздо более сложная функция, нежели опознание *уже предъясненного* объекта). В связи с этим, будучи функционально подчиненным, будущий уровень E (C_0) уже в момент своего обособления имел задатки для своего грядущего главенства. Однако первоначально он уступал уровню C в отношении количества охватываемых им моторик (и потому занимал подчиненные позиции), т. к. построение плана локомоций за пределами прямой перцепции исходно составляло, в общем, пока еще незначительный раздел активности.

Итак, будущий уровень E (C_0) пребывал некоторое время в субмиссивном состоянии, и в этом его статусе уже содержались предпосылки для будущего накопления противоречий. В ходе адаптивного отбора эволюционные преимущества приобретали те живые существа, которые наиболее адекватно выстраивали свои перемещения в отдаленном анизотропном пространстве локомоций. Тем самым данный субмиссивный уровень, оставаясь на вторых ролях, осуществлял свое поступательное развитие, пока однажды не переместился на первое место в иерархии, отодвинув уровень C на задний план. При этом, кроме разрешения прежних противоречий, возникло принципиально новое явление: произошел переход от главенствующей опосредованной перцепции пространственных *локусов* к главенствующей опосредованной перцепции размещенных в пространстве *объектов*. Именно этот шаг отделяет самую сообразительную обезьяну от самого примитивного человека*. Начиная с этого пункта, мы можем говорить о существовании *сознания* в подлинно человеческом понимании этого термина.

Будучи служебным, уровень C_0 выполнял самую сложную с информационной точки зрения работу. Одна-

ко до тех пор, пока осуществляемые им моторики имели лишь незначительную роль в общей системе активности, функцию он имел вспомогательную, и потому не мог считаться супрематическим уровнем, пока не переместился вверх и в функциональном отношении.

Качественный скачок, приводящий к возникновению новых отношений ордера, связан с тем, что символический уровень перестал играть лишь подчиненную роль и приобрел подлинную самостоятельность. Теперь он — реально верхний, супрематический; система, в которой накапливались инверсии, не погибла, но приобрела новое качество. Там же, где символический уровень продолжает исполнять такую подчиненную роль, по-прежнему действуют инверсивные отношения, но по сравнению с вновь сформировавшимися отношениями ордера они выглядят сугубо второстепенными и уже никак не могут угрожать устойчивости системы. Так, символический уровень по-прежнему в известной мере *обслуживает* уровень пространственного поля. Но нужно принять во внимание еще один важнейший фактор.

Разные, но совместно развивающиеся аспекты человеческой природы (символические операции, их большая или меньшая обеспеченность служебными функциями, такими, как предметные действия и память; способность к речи и вместе с этим — возможность к организации социальных действий), очевидно, служили критериями отбора при совместном проживании (и избирательном выживании) разных видов гоминид из рода Номо. Освоив таким образом символическое пространство, человек в значительной мере «переселился» туда. Он при этом безнадежно отстал от своих непосредственных животных предков (и от многих других соседей по планете) в локомоторных возможностях. Но в символическом мышлении человеку не просто нет равных — у него фактически нет и конкурентов. Новый уровень забирает себе львиную долю активности и становится главенствующим, кроме прочего, и в количественном отношении (по объему задействованных в нем моторных актов). Этим также поддерживаются отношения ордера, а значимость наличных инверсивных отношений в значительной мере снижается.

Однако, заняв данную позицию, уровень E тут же стал нуждаться в служебном подразделении, которое обеспечивало бы техническую возможность манипуляции с теми самыми объектами, наделенными особой значимостью. Поэтому от уровня E отделился и обособился новый субмиссивный уровень D — уровень предметных действий (см. схему). Если рассматривать этот уровень в изоляции, то объекты, представленные в нем, хотя и наделены некоторой функцией, но тождественны сами себе и никакой особой значимостью не обладают. Но они зато опознаются в качестве элементов некоторой общности, поскольку каждый из таких объектов может быть отнесен к определенному топологическому классу и обозначает собой этот класс (иными словами, операции не только с вещами, но и со знаками относятся именно к уровню D). Объект же приложения активности уровня E (образ материального предмета, наделенный особой отвлеченной значимостью)

* В многочисленных опытах на приматах эта посылка находит убедительное подтверждение: обезьяна может использовать для какой-либо операции найденную палку или другой удобный для этого предмет, но она никогда не уносит этот предмет с собой, чтобы в сходных обстоятельствах использовать его повторно.

приобрел характеристики *символа*. Так и сформировалась современная человеческая структура активности.

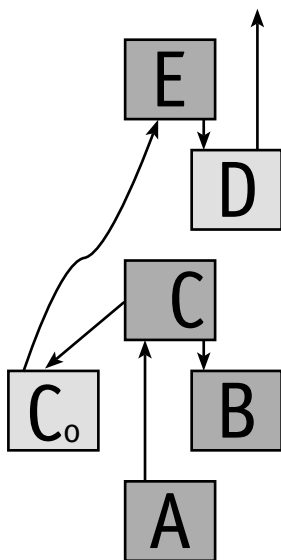

Схема развития активности человека

Однако всякая теория, способная лишь строить более или менее остроумные модели прошлого, стоит не особенно много. Гораздо важнее ее способность предсказывать будущие события в развитии той или иной системы. Какое же будущее моторики человека может быть предсказано в рамках данной концепции?

Следует принять во внимание, что биологическая эволюция, которая ранее (на протяжении миллионов лет развития) обусловила возникновение и становление тогда еще служебного символического уровня, уже не действует прежним образом применительно к современному человеку. Так, многие факторы, благодаря которым ранее действовал естественный отбор, частично или полностью упразднены развитием медицины. Следовательно, если и следует ожидать нового скачка в развитии *Homo sapiens*, то развитие это будет носить внебиологический (социальный, цивилизационный, технологический) характер. Исходя из логики рассматриваемой модели, очевидно, что основное внимание следует обратить на последний обособившийся субмиссивный уровень — а именно, уровень предметных действий D, поскольку именно он может содержать в себе предпосылки для будущего (вернее, уже совершающегося на наших глазах) ароморфоза.

Исторически происходит постоянное превращение своей *субъекта* деятельности в свойство *объекта* деятельности; этот процесс К. Маркс называл *опредмечиванием* [12, с. 121]. Огромное скопление результатов человеческой деятельности, которое составляет материальное наполнение культуры, преобразует вещество природы, которое, в результате приложения к нему человеческого труда, приобретает социальные свойства. Противоположный и дополняющий процесс называют *распредмечиванием*; это преобразование новообразованной предметности культурных артефактов в новую форму человеческого

действия. Как известно, распредмечивание позволяет человеку становиться наследником социального коллектива и его культуры, опредмечивание же превращает человека в творца этой культуры [2, с. 12—15]. Процесс опредмечивания при наличии параллельного распредмечивания не становится обратимым: накопленный вклад человечества в предметный мир, и в частности в широко понимаемую совокупность орудий труда, все время растет.

До недавнего времени сложность *символов*, которыми оперировал уровень E, значительно превосходила актуальную сложность всех *орудий* или *предметов*, действия с которыми осуществлял субмиссивный уровень D. Теперь же ситуация изменилась. Предметный мир, окружающий человека, значительно эволюционировал, что и дало основание говорить об экстрасоматической эволюции.

К настоящему времени мир символов увеличился настолько, что, видимо, достигает уже некоторой точки насыщения. Собственное знание единичного человека, относительно всей общей суммы накопленных знаний, становится исчезающе малым. В данной точке насыщения культурные артефакты практически перестают создаваться, они лишь комбинируются из ранее созданного (что отражает картину постмодерна). Вместе с тем, содержательная сторона уровня D продолжает расти, поскольку предметный мир, окружающий человека, все более разрастается и усложняется. Таким образом, выход на первый план уровня предметных действий сопровождается фактически наблюдаемой относительной деградацией символического уровня, суть которой и очерчивается известным понятием «постмодернизм» [19].

Содержательное наполнение уровня D состоит, как мы знаем, в операциях с орудиями труда. К настоящему времени (за последние сто-двести лет) такие орудия претерпели колоссальный качественный скачок в своем развитии. В результате в современном обществе наблюдается новое проявление инверсивных отношений: машина (которая тоже одно из орудий труда) перестала быть только служебным устройством, она приобретает самодовлеющую ценность, проникает в немашинные сферы бытия, и даже становится основным предметом потребления [14].

На протяжении тысячелетий отношения человека с его орудиями труда оставались, в целом, без существенных изменений. Человек, как правило, прекрасно знал устройство употребляемых им орудий; он мог починить такое орудие, вышедшее из строя, и даже изготовить его вновь. С появлением сложных механизмов, электротехники (а тем более — бытовой, промышленной и военной электроники) пользователь машины уже далеко не всегда представляет, как эта машина устроена и каким образом она действует. В случае с электроникой и компьютерной техникой это уже стало практически всеобщим правилом. Очень трудно встретить пользователя компьютера, по своей профессии не связанного непосредственно с изготовлением и ремонтом компьютерной техники, который имел бы в голове хотя бы приблизительную картину устройства этого «орудия труда». От исследования реальности акцент человеческой активности сместился в сторону создания

артефактов, обновляющих и замещающих прежний предметный мир [10]. Типичным представителем этого обновленного предметного мира стал *гаджет* — компактное электронное устройство, которым человек пользуется, но о реальном устройстве которого чаще всего попросту не имеет никакого понятия. В этих условиях умение стало важнее знания, праксис возобладал над гнозисом.

Гаджет — предмет, управление которым относится всецело к ведению уровня D. И вот этот уровень становится главным. Символы, которыми и прежде была насыщена жизнь человека, никуда не делись, но стремительно оттесняются на второй план. Таков, по всей видимости, дальнейший (и уже неизбежный) путь развития человечества как вида. Уровень D, в результате создания все нарастающей массы изготовленных человечеством технических устройств, готовится занять супрематические позиции — если уже не занял их (см. схему). Прогрессивные изменения в этом отношении особенно ярко прослеживаются сейчас, при сравнении ныне живущего старшего поколения, родившегося и выросшего в эпоху до распространения гаджетов, и молодого поколения, для которых гаджеты стали неотъемлемой частью реальности. В этом выражается очевидная роль инверсивных отношений в формировании ароморфозов саморазвивающейся системы человеческой активности. По мнению П.С. Гуревича, результатом становится развивающийся на наших глазах процесс деантропологизации человека [6].

Теперь вернемся к обсуждению лингвистического аспекта. На первый взгляд он представляет собой обычный, закономерный этап поступательного развития человеческого самопознания. Но именно в тот период, когда стало возможным говорить о лингвистическом повороте в философии, в бытии самого человечества произошли более чем серьезные изменения, которые прежде всего нашли выражение в технологическом развитии, а отсюда — и в реальном соотношении иерархических уровней активности. Это не может считаться простым совпадением, тем более что интерес к языку, как к носителю смыслов, существовал в философии и прежде, не обладая, однако, такой мерой самодостаточности. Само исследование форм и средств языка, как таковое, фактически никак не связано с технологическим развитием, поскольку в своем первоначальном виде не требовало каких-либо машинных технологий, не требовало вообще ничего, кроме наличия мыслящей головы, пера и бумаги (или пергамента — до того, как бумага вошла в обиход). Следовательно, такое явление, как «лингвистический поворот», формально не зависит напрямую от достигнутого технологического уровня, хотя и состоит с ним в своеобразной и значимой связи.

Лингвистическая тематика встречалась в европейской философии практически с самого ее возникновения. Известное внимание отношениям в синтаксисе высказывал еще Платон в диалоге «Кратил» [16; 18]. Значительное количество подобных материалов можно обнаружить в трудах Аристотеля: от «Логики» до «Ка-

тегорий». В дальнейшем развитии европейской философской мысли можно выделить еще ряд подобных примеров. В частности, этой теме посвящена вся вторая часть «Логики Пор-Рояля» (1662) [1, с. 100—177]. Немало внимания уделено проблеме языка и в известном труде Леже-Мари Дешана «Истина, или истинная система» (начало 1770-х гг.) [7]. Основатель лингвистики Вильгельм Гумбольдт (1767—1835) писал более чем за столетие до выхода книги Рорти: «При анализе порождений языка представление, будто он просто обозначает предметы, воспринятые сами по себе помимо него, тоже не подтверждается... Человек преимущественно — да даже и исключительно, поскольку ощущение и действие у него зависит от его представлений, — живет с предметами так, как их преподносит ему язык» [5, с. 80]. Ему вторит Эрнст Кассирер (1874—1945): «Задача языка — не повторять те определения и различия, что уже даны в представлении, а впервые полагать их, выделять и делать доступными познанию. Это свободное деяние духа вносит порядок в хаос чувственных впечатлений, в результате чего мир опыта впервые приобретает твердые формы» [8, с. 41]. Можно найти и немало других исторических примеров; но все это не давало в те времена оснований говорить о каком-либо лингвистическом повороте в философии. Он, поворот, стал реальностью тогда и только тогда, когда в результате технологической революции возникли реальные предпосылки для нового ароморфоза, который, в рамках системы уровней моторного построения Н.А. Бернштейна, заключается в перемещении субмиссивного уровня D на супрематические позиции.

Зарождаясь на высшем, символическом уровне человеческой активности, язык затем (уже в форме знаков) функционирует на нижележащем уровне предметных действий. Языкотворчество есть символическая деятельность, пользование языком — уже, фактически, предметная. Язык напрямую отображает состоятельность бернштейновского уровня предметных действий D, тем более что формирование и обогащение языка, хотя и происходит на символическом уровне, но также непосредственно связано с предметной деятельностью, с многообразными проявлениями праксиса. И вот, вместе с этим уровнем, язык приобретает новое значение в философской рефлексии.

Язык имеет много ипостасей, и как орудие мышления, и как средство коммуникации. «... Не ради общества возник язык, — указывает З.М. Оруджев, — а общество возникло из стаи благодаря языку и правилам. Язык “создал” общество, зафиксировав во времени *правила* взаимодействия, без которых общество было бы просто невозможно. Без Слова общество снова превратилось бы в стаю» [14, с. 49]. Однако, подобно языку, и правила взаимодействия в обществе фактически составляют содержание не высшего, символического уровня; в своей идеальной, совершенной форме они стремятся к автоматизации (бессознательному исполнению) и в этом качестве представляются собой один из аспектов содержательного наполнения уровня предметных действий.

Вследствие технологического развития уровень предметных действий стал субъектом инверсивных отношений, поскольку на основании ряда причин он уже может претендовать на супрематическую позицию, формально все еще оставаясь на позиции субмиссивной. Соответственно, и содержательное наполнение этого уровня, к которому, среди прочего, относится язык, отныне может восприниматься иначе. «Лингвистический поворот» стал предвосхищением надвигающегося ароморфоза, ибо возник как отображение уловленных многими авторами тенденций, наблюдающихся в системе человеческой активности. В результате, как указывает Б.В. Марков, «из средства отображения мира и констатации положения дел, из способа выражения переживаний и чувств язык стал расцениваться как нечто самостоятельное и при этом не только неподвластное человеку, но и весьма упрямое и даже репрессивное по отношению к нему» [11, с. 7].

Как уже говорилось, язык, будучи изначально связан с символическим уровнем моторного построения, рассматривается также и как знаковая система. Для понимания сущности «лингвистического поворота» необходимо еще раз обозначить различия между понятиями «символ» и «знак». Если символ есть реальный объект, наделенный особым значением, то знак есть отвлеченный носитель значения, лишенный какой-либо самостоятельной собственной сущности. Операции с символами осуществляются, соответственно, на высшем, символическом уровне; операции со знаками — достояние уровня предметных действий.

Знак не имеет никакого отличного от знака значения [11, с. 76]. Знак — концентрированное выражение означающего, и только, и нужен он лишь для того, чтобы указывать на означаемое. Символ делает то же самое, сохраняя при этом самостоятельное и самодостаточное бытие. Например, плюс в арифметике есть знак сложения и ничего больше. А вот могильный крест — уже не просто знак, показывающий, что здесь есть погребение; он символизирует собой вполне самостоятельный предмет, наделенный собственным бытием, а именно — орудие казни, на котором был распят Иисус. При этом нередко случается так, что фактически одно и то же изображение, одна и та же графическая фигура может играть роль и символа, и знака. Допустим, латинская буква S при письме обозначает звук [s] и в этом качестве, конечно, представляет собой знак и не более того. Но если эта буква приобретает дополнительное значение, она заслуженно называется *символом*: так, при помощи буквы S в геометрии обозначают площадь фигуры, а в химии — серу.

Овладение символическим миром стало для человека решающим этапом развития; однако следует отметить при этом, что генетически символ старше знака. Знак появляется позже, как очищенное от какой-либо первоначальной сущности обозначение, привязанное к топологическому классу предметов, — и только. Знак может рассматриваться как превращенная форма символа. Операции со знаками, в свою очередь, могут быть отнесены

к сфере рассудка как к превращенной форме разума. Это соответствует выдвинутой ранее посылке, согласно которой моторный уровень D, оперирующий как предметами, так и знаками, обособился от символического уровня и стал по отношению к нему служебным, подчиненным подразделением.

Современное положение в символической сфере было достигнуто в результате длительного предшествующего развития. Как отмечает З.М. Оруджев, благодаря появлению слова мир «удваивается», причем это удвоение можно проследить уже у дрессированных животных, у которых вырабатывают условный рефлекс [15, с. 50]. Всем известны павловские условные рефлексы, когда у собаки начинает выделяться слюна на зажженную лампочку или включенный звонок, потому что ее кормление прежде сопровождалось этим сигналом. Такое «удвоение мира» на уровне условных рефлексов, когда некоторый стимул, прежде нейтральный, приобретает *особое значение*, как раз и представляет собой появление протосимвола в его дочеловеческой форме. Настоящим символом такой стимул не является: он пока еще неотрывно присоединен к данной конкретной ситуации и в отрыве от нее рассматриваться не может. Взятые в совокупности, протосимволы составляют основу доязыкового общения в животном мире. Протосимвол не составляет никаких отвлеченных понятий: он всегда конкретен и всегда означает лишь наличную ситуацию. Именно в рамках протосимволов и реализуется присущая животным организмам условнорефлекторная активность. Но в то же время само возникновение протосимвола уже означает наличие предпосылок для последующего перемещения субмиссивного моторного уровня C_0 на супрематическую позицию.

Однако эти предпосылки остаются нереализованными у всех животных видов, вынужденно оказавшихся в рамках узкой биологической специализации. В то же время гипотетически прослеживая по эволюционной линии всех предков человека разумного, мы неизбежно обнаруживаем, что наши предки были, напротив, наименее специализированными существами среди своих биологических современников. Отсутствие соматической специализации породило невиданную ранее поведенческую гибкость, которая и нашла затем отражение в символическом мышлении и в языке.

Рассматривая символ как некий объект, наделенный особым дополнительным значением, мы приходим к мысли о том, что и язык возник как средство презентации особо значимого предмета. Почему речь идет именно об *особо значимом*, а не о любом возможном предмете? Дело в том, что данная логика формирования языка действует и поныне. Мир окружающих нас предметов (потенциально означаемых) поистине *безграничен* в своем разнообразии, но чтобы ориентироваться в этом мире, мы пользуемся хотя и большим, но все же *ограниченным* запасом слов-означающих. Разрешается это противоречие просто: лишь действительно значимые для нас предметы приобретают словесные обозначения. Те предметы,

которые для нас не имеют никакого значения, не наделяются и особым наименованием. Художник-колорист может назвать огромное количество неизвестных широкой публике названий цветовых оттенков, которые, с точки зрения обывателя (видящего, в сущности, ту же цветовую гамму), никакого специального обозначения не имеют. То, что для обычного городского жителя просто «трава», для ботаника — целый огромный набор биологических видов, снабженный ярлыками латинских наименований. Такую картину можно наблюдать решительно в любой сфере профессиональной деятельности или любительских увлечений. Таким образом, формирование языка в условиях вновь сложившихся, по итогам свершившегося ароморфоза, отношений ордера целиком должно быть отнесено к ведению высшего, символического моторного уровня.

Но одновременно язык не может существовать отдельно от предметной деятельности человека, от праксиса, что составляет уже сферу деятельности моторного уровня предметных действий D. Здесь уже царствует не символ, а знак — обозначение, не имеющее, кроме самой функции обозначения, никаких иных внешних приложений. Итак, вырисовывается траектория: протосимвол — символ — знак. Выход знака на первые позиции (или хотя бы потенциальная к тому возможность) и получил отражение в форме вышеобозначенного «лингвистического поворота». Уровень D приобретает супрематическую позицию — и один из основных объектов, которым он оперирует, перемещается вместе с ним.

По словам Б.В. Маркова, «лингвистический поворот» есть «победа структурализма над герменевтикой, как господство семиотики, в которой знаки отсылают не к символам, а к другим знакам» [11, с. 20—21]. С того момента, как эмансипированное слово приобрело самостоятельность от описываемого этим словом образа, оно существовало согласно своим собственным, чисто информационным законам бытия.

Таким образом, «лингвистический поворот» стал опосредованным отображением в философии реально происходящего этапа развития системы «человек». При этом не имеет значения, чего в данном явлении было больше: философской рефлексии или научной интуиции. В то же время исследование самого «лингвистического поворота» позволяет получить косвенные подтверждения представленной здесь модели системного развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арно А. Логика, или Искусство мыслить / А. Арно, П. Николь. — М. : Наука, 1991. — 414 с.
2. Батищев Г.С. Противоречие как категория диалектической логики. — М. : Высш. шк., 1963. — 120 с.
3. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность / Н.А. Бернштейн. — М. : Наука, 1990. — 494 с.
4. Витгенштейн Л. Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям» / Л. Витгенштейн ; пер. с англ. В.А. Суровцева, В.В. Иткина. — Новосибирск : Сибир. универ. изд-во, 2008. — 256 с.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. — М. : ОАО ИГ «Прогресс», 2000. — 400 с.
6. Гуревич П.С. Феномен деантропологизации человека // *Вопр. философии*. — 2009. — № 3. — С. 19—31.
7. Дешан Л.-М. Истина, или Истинная система / Л.-М. Дешан. — М. : Мысль, 1973. — 532 с.
8. Кассирер Э. Философия символических форм / Э. Кассирер. — Т. 1. Язык. — М. ; СПб. : Универ. кн., 2002. — 272 с.
9. Леви-Стросс К. Структурная антропология. — М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. — 512 с.
10. Ленк Х. Размышления о современной технике / Х. Ленк ; пер. с нем. ; ин-т «Открытое общество». — М. : Аспект Пресс, 1996. — 183 с.
11. Марков Б.В. Знаки бытия / Б.В. Марков. — СПб. : Наука, 2001. — 567 с.
12. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // *Собр. соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс*. — 2-е изд. — М. : ИППЛ, 1974. — Т. 42. — С. 41—174.
13. Матурана У.Р. Древо познания / У.Р. Матурана, Ф.Х. Варела. — М. : Прогресс-Традиция, 2001. — С. 182—207.
14. Николлин В.В. Машинность как всеобщий принцип воспроизводства: Онтологический аспект (онтологический аспект экспансии машины в немашинные сферы бытия) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Омск : ОмГПУ, 2002. — 32 с.
15. Оруджев З.М. Природа человека и смысл истории / З.М. Оруджев ; предисл. В.А. Лекторского. — М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 448 с.
16. Платон. Кратил / Платон : собр. соч. в 4 т. Т. I / общ. ред. А.Ф. Лосева и др. ; авт. вступит. ст. А.Ф. Лосев ; примеч. А.А. Тахо-Годи ; пер. с древнегреч. — М. : Мысль, 1990. — С. 661—662.
17. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // *Постнеклассика: философия, наука, культура*. — СПб. : Мирь, 2009. — С. 249—295.
18. Barnes J. Truth, etc. Six Lectures on Ancient Logic / J. Barnes. — Oxford : Clarendon Press, 2007. — P. 204.
19. Jameson F. Postmodernism and Consumer Society [Electronic resource] / F. Jameson. — URL: http://art.ucsc.edu/sites/default/files/Jameson_Postmodernism_and_Consumer_Society.pdf (дата обращения: 24.08.2014).
20. Koopman C. Rorty's Linguistic Turn: Why (More Than) Language Matters to Philosophy // *Contemporary Pragmatism*. — Vol. 8. — No. 1 (June 2011). — P. 61—84.
21. Peregrin J. Linguistics and Philosophy // *Theoretical Linguistic*. — 1998. — № 25. — P. 245—264.
22. Rorty R.M., ed. The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method / ed. by Richard M. Rorty ; with two retrospective essays. — Chicago : The University of Chicago Press, 1992. — 407 p.
23. Szubka T. Richard Rorty and the Analytic Tradition: Radical Break or Partial Continuity? // *Diametros*. — № 25 (September 2010). — P. 146—158.
24. Watzka H. Did Wittgenstein ever take the Linguistic Turn? // *Revista Portuguesa de Filosofia* 58 (2002). — P. 549—568.